

П. И. Мельников-Печерский. Именинный пирог

Рассказ

 Мельников-Печерский П. И. Собрание сочинений в 6 т.
 М., Правда, 1963. (Библиотека "Огонек").
 Том 1, с. 178-194.
 OCR: sad369 (г. Омск)

Это было еще задолго до крымской войны... В одной из степных губерний, в захолустном городке Рожнове, пришлось мне прожить по одному делу больше месяца.

Однажды в воскресный день после обедни, когда "благородные" обыватели богоспасаемого града Рожнова, приложась ко кресту, поздравляли друг друга с праздником, уездный стряпчий Иван Семеныч Хоринский подошел ко мне.

- Сделайте такое одолжение, - говорил он с какими-то торжественными ужимками, - удостойте чести мой пирожок; Антон Михайлыч будут, Степан Васильич, Михаила Сергеич. Сделайте одолжение, удостойте!.. Сегодня я именинник.

Поздравив именинника, я обещался быть у него непременно.

- Только уж нельзя ли пораньше, Андрей Петрович: мы ведь люди простые, не столичные, привыкли рано. Сделайте милость, теперь же, прямо из церкви.

Затем, посетившись среди "благородных", Иван Семеныч в алтарь пошел приглашать духовника своего, рожновского протопопа, отца Симеона. Мимоходом тронул за плечо купца Дерюгина, торговавшего бакалеями, вином и другими жизненными потребностями и занимавшего в ту пору должность городского головы. Дерюгин оглянулся, именинник что-то шепнул ему, и голова с сияющим лицом поклонился стряпчему в пояс.

Погода была прекрасная. "Благородные" пешком пошли к Ивану Семенычу. Шел городничий Антон Михайлыч, шел исправник Степан Васильич, шел судья Михаила Сергеич, шел "непременный" Егор Матвеич, шел почтмейстер Иван Павлыч, шли и другие обоего пола "благородные". Две бородки примкнули к бритому сонму чиновных людей: одна украшала красное, широкое лицо Дерюгина, другая густым лесом разрослась по румянному лицу касимовского купеческого брата Масляникова, бывшего прежде целовальником, а теперь управляющего рожновским винным откупом.

Расходившиеся из церкви мещане и разночинцы почтительно снимали шапки и низко кланялись шествующему сонму властей, но никто не удостоился ответного поклона. Не гордость, не чванство причиной тому. Попадись благородный один на один любому мещанину, непременно б ответил ему поклоном и дружелюбно поговорил бы. Но, шествуя в сонме властей, как поклониться?.. Нельзя!..

Именинник встречал гостей на крылечке. Шумной толпой ввалили они в залу, а там столы уж уставлены яствами и питиями, задорно подстрекавшими зрение, обоняние и вкус нахлынувших гостей.

Люди мелкой сошки: столоначальники, или, как звали их по старине, "повытки", городской голова, магистратский и думский секретари, учителя со штатным смотрителем, отец дьякон, остались в зале. Чинно рассевшись по стульям, скромно, вполголоса вели они беседу о новейших происшествиях в городе Рожнове: о том как в ушате с помоями затонула хохлатенькая курочка матушки-протопопы, как бабушка-повитуха Терентьевна, середь бела дня заглянув в нетопленную баню, увидала на полке кикимору, как повыткика духовного правления Глорианского кладбищенский дьякон Гервасий застал в самую полночь в своем огороде, купно с девицей Капитолиной Гервасиевной. Говорили, обсуждали, а сами с жадностью поглядывали на предстоящую трапезу.

Гости первой статьи, ранга высокого: городничий, исправник, протопоп, управляющий откупом, судья, "непременный", заседатели уездного суда, почтмейстер, два секретаря из судов земского и уездного, казначей, винный пристав, продолжали шествие в гостиную, а там на диване сидела разряженная Катерина Васильевна, супруга Ивана Семеныча, с Анной Алексеевной городничихой да с Марьей Васильевной исправницей. У дивана возле матери стояли два сына Ивана Семеныча, один лет девяти, другой восьми, оба в красных рубашечках, обшитых белыми снурками. Дико смотрели мальчишки: старший мрачно ковырял пальцем в носу, а младший, увидя издали Протопопову бороду, разинул рот, собираясь задать исправную ревку. Он не замедлил,